

Багров Г.Г.

РИТМ КАК ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПРИНЦИП КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Внутренняя форма бытия культурного предмета как динамической системы должна описываться своей хронопной организацией, параметры которой имеют решающее значение в ее устойчивости и стабильности.

Одной из функций метрической организации ритма является закрепление того, что должно быть выявлено. Так, например, Я.Ф. Аскин считает, что "рассмотрение повторяемости как своего рода опоры в потоке времени имеет определенный смысл, поскольку повторяемость в форме ритмичности есть выражение стабильности в процессе изменчивости, характеризуемой диалектикой тождества и различия"ⁱ.

Культурно-историческая память обнаруживает себя в бесконечном движении бытия человека в культуре, представляет собой динамическое единство устойчивости и изменчивости, бытия и небытия, конечного и бесконечного. Время в структуре культурно-исторической памяти выступает эквивалентом различия как процесс, в котором ее субъект находится в состоянии "ускользания" от тождества с самим собой. Это становится возможным тогда, когда утрачивается смысл пребывания в культурном пространстве-времени, теряется чувство размерности, со-причастности, "со-бытия бытию" (М.М. Бахтин).

Следовательно, инвариантность в изменении и динамика в сохранении характеризуют диалектику культурно-исторической памяти и времени. В противном случае непрерывное преобразование культуры и ее воспроизводство каждый раз качественно новым образом без момента относительной неизменности нельзя рассматривать как развитие одного и того же предмета: процесс изменения распадается на "мозаичные" состояния, не связанные между собой, а вместо изменяющегося предмета мысль "распознает" только сумму различных объектов, не имеющих ничего общего друг с другом. Сохранение также теряет свой смысл, если сводить его к тривиальной себетождественности, исключающей какие-либо преобразования. Иначе, раз возникнув, культура была бы обречена на вечное самоповторение.

Таким образом, ритм "ответствен" за гармонию временных отношений человека и культуры. Не будь соответствия, координации, многие культурно-исторические связи разрушились бы. Несогласованность субъективного времени человека с культурно-историческим приводит к аритмии культурно-исторического процесса, а отсюда - к культурной амнезии.

Следует признать, что понятие ритма в связи с культурно-исторической ритмикой памяти пока еще не обсуждалось в философской литературе. Также отметим, что категория ритма не обрела и своего философского статуса, несмотря на то, что философы используют ее при исследовании культурологических проблем. И хотя наличие ритмов в любой сфере природы и культуры не вызывает сомнения, а сама идея панритмии прослеживается не только в западной, но и восточной философской культуре, установление категориального статуса ритма представляет собой еще нерешенную задачу.

При всем многообразии определений ритма в них нельзя не увидеть наличие некоторого устоявшегося его понимания. К числу его специфических черт исследователи относят периодичность, закономерную повторяемость, упорядоченность во времени, чередование соизмеримых элементов в системе. Такие представления достаточно распространены и акцентируют внимание прежде всего на его метрической стороне, на внешних проявлениях ритма. В ракурсе нашего исследования важной задачей является установление его семантической характеристики.

Как известно, первоначально для человека основное значение имели не длительность и необратимость, а повторяемость и одновременность. Возникновение трудовых ритмов было связано с адаптацией человека к циклам окружающей его среды, повторению и чередованию природных и хозяйственных циклов. Деятельный характер освоения времени в архаической культуре требовал различия и отождествления естественных циклов: суточных, лунных, солнечных и "подкреплялся" ритуалами, которые сопровождали и санкционировали каждое значительное событие. Первоначальное отсутствие письменности требовало особого "устройства" памяти: передача общественно значимых навыков осуществлялась живыми носителями памяти по принципу "делай как мы" через магию слова и тела: танцами, жестами, мимикой, действиями. Запоминание происходило непосредственно через имитацию и повторение. Иными словами, "память непосредственного общения" через ритуалы, сезонные праздники обеспечивала согласованность жизни коллектива с внешними ритмами природы, создавала своего рода "гомеостаз". Архаический человек был ориентирован на космос, а его ритмы на корреляцию с ним. С "открытием" истории насущной становится проблема исторического ритма, его носителя.

Дальнейшее развитие человечества все больше "оттесняет" природные ритмы на задний план и усиливает значение собственно человеческих ритмов. Разработка проблемы носителя исторического ритма в отечественной философской литературе принадлежит В.П.Яковлеву. Ритм времени в обществе сопрягается у него с ритмом поколений. Указывая на полифоничность и полиритмичность общественного развития, он рассматривает ритм поколений как единство прерывности и непрерывности социального времени, отмечая при этом, что ритм человеческих поколений задается "внутренней логикой и законами общественных отношений"ⁱⁱ. В связи со сказанным возникает вопрос: что это? - чисто формальная корреляция на согласованность с внешним миром или же глубинная связь с ним? По нашему мнению, ритм характеризует "внутреннее" время культуры. Мы используем этот термин, введенный И. Пригожиным, как характеристику

внутреннего целостного состояния изучаемого объекта. “Внутреннее” время, по И. Пригожину, отличается от астрономического функционально: оно представляет собой не параметр, а скорее оператор”ⁱⁱⁱ. Опираясь на проведенный анализ, а также на перспективные идеи Ж.А. Драгалиной и В.В. Налимова относительно понятия “ритм”: “ритм - порождение резонанса, составляющая, преобразующая континуальный образ в дискретный символ, ритм - освобождение от логики... логика есть прямая перспектива, а ритм - обратная со сходом в человеческом сердце”^{iv}, – мы предлагаем следующую перспективу экспликации понятия ритма культурно-исторической памяти. Ритм культурно-исторической памяти есть непосредственное вхождение и пребывание в культурном пространстве-времени как соразмерность и сопричастность “со-бытия бытию” (восточная традиция). Ритм - соответствие культурного пространства - времени его значимости, смысла для субъективного времени человека (западная традиция)

ⁱ Аскин Я.Ф. Категория будущего и принцип ее воплощения в искусстве//Ритм, пространство и время в литературе и искусстве.–Л.:Наука,1974.–С.69.

ⁱⁱ Яковлев В.П. Социальное время.– Ростов-на-Дону:Изд-во Ростовск.ун-та,1980.–С.87.

ⁱⁱⁱ Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках.– М.:Наука,1985.–С.15.

^{iv} Драгалина Ж.А., Налимов В.В. Семантика ритма: ритм как непосредственное вхождение в континуальный поток образов// Бессознательное. В 4-х т.– Т.3.– Тбилиси, Мецниереба,1978.–С.294.